

странению христианства среди славянских народов Восточной Европы; с его именем связаны и проповедь солунских братьев, и принятие Болгарией христианства. Служа политическим интересам византийского правительства, Фотий пошел на разрыв с папой Николаем I, когда тот под предлогом вмешательства в борьбу церковных партий в Византии выступил с непомерными политическими притязаниями. Этот разрыв и составил „первую схизму“ Фотия. Мнение, что такого же направления продолжал держаться Фотий и в годы своего второго патриаршества, было общепризнанным в буржуазной исторической литературе.

Ф. Дворник отказывается от этого представления. Как гласит предисловие к книге, Дворник считает, что „историки и церковники Запада ошибались во взглядах на Фотия“. К каким же выводам приходит сам Ф. Дворник?

В первой части, озаглавленной „История“, автор подробно останавливается на событиях первого патриаршества Фотия, рассматривая сложную политическую ситуацию в момент избрания Фотия на место удаленного патриарха Игнатия. Автор отмечает, что современные Фотию церковные историки, в том числе и Никита Пафлагонянин, обвиняют Фотия не только в нарушении канонических правил об избрании патриарха, но и в жестоких гонениях на партию своего предшественника.

Уже при изложении этих событий автор начинает осторожно реабилитировать Фотия. Прежде всего он стремится навязать читателю вывод, что не Фотий и его сторонники первые начали борьбу. Наоборот, утверждает Ф. Дворник, именно игнатиане, ядром которых было многочисленное, укрепившееся после восстановления иконопочитания и поэтому рьяно рвавшееся в бой монашество, потребовали от Фотия, чтобы он всю свою деятельность подчинил указаниям „законного“ патриарха (Игнатий, удаленный с кафедры, не сложил с себя патриаршего сана). За игнатианами новому правительству Михаила III и Варды чудились фигуры свергнутой царицы Феодоры и ее партии, и поэтому на них обрушилась волна правительственных репрессий. По мнению Ф. Дворника, Фотий был непричастен к этим гонениям.

Взгляды автора раскрываются далее при трактовке им вопроса о соборе 861 г., созванном папой Николаем I для пересмотра дела Игнатия. Собор 861 г. всегда привлекал внимание историков. Именно на этом соборе папа обнаружил свои хищные экспансионистские устремления, потребовав передачи (формально — „возврата“) под его юрисдикцию Сицилии и Македонии (Сиракузской и Солунской епархий). Рисуя обстановку и ход событий на соборе, автор крайне тенденциозно изображает политику Фотия и в то же время всячески воздерживается от осуждения действий папы. Он говорит о пышной встрече папских легатов, о желании Фотия пойти на компромисс и даже утверждает, что византийское правительство разрешило демонстрации в пользу Игнатия, стремясь избежать осложнения отношений с римской курией. Все это пишется с целью подвести читателя к выводу о том, что Фотий на соборе 861 г. решительно проводил политику мира и уступок.

Болгарский вопрос, вставший на очередь дня после собора 861 г., определил изменение отношений между римской и константинопольской церквами. С принятием христианства в середине IX в. Болгария на короткий период входит в сферу церковного влияния Византии. Этому событию предшествует (равно как и следует за ним) ожесточенная борьба Рима и Византии за влияние в стране, борьба, которая привела к резкому обострению отношений между обеими церквами, пока актив-